

ОБРАЗ ПТИЦЫ С ЖЕЛЕЗНЫМ КЛЮВОМ В КИТАЙСКИХ И ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ

В одной из своих ранних работ будущий академик В.М. Алексеев рассмотрел различные типы китайских заклинательных изображений и надписей, представленных на китайских народных картинах и амулетах [1]. Автор этого исследования указывает на необычность, исключительность самого процесса написания сакральных текстов: «Заклинание пишется всегда единым почерком, с дыханием, запертым на все время движения кисти по бумаге».

Предваряя детальный анализ магических рисунков и текстов, В.М. Алексеев особое внимание обратил на одухотворенное, почти мистическое отношение древних китайцев к каллиграфии как виду искусства и к каллиграфическим атрибутам – к «четырем драгоценностям кабинета ученого» – 文房四宝 [wén fāng sì bǎo] – кисти, туши, тушечнице и бумаге. Кроме того, перед написанием этих текстов каллиграфы проводили специальный ритуал – читали особые заклинания для каждой из этих драгоценностей:

- для кисти (*Кисть моя – не простая кисть. Она – приказ от Верховного Неба, данный руководящему моей рукой духу. Она теперь, как мощный меч, разрушает бесов и оборотней. Как только упадет на бумагу моя чудодейственная кисть, миллионы бесов бледнеют, меркнут, исчезают*);

- для бумаги (*Северный владыка неба приказывает: моя бумага для писания заклинаний побивает бесов. Пусть кто-то из них посмеет не сократиться – сейчас же будет отправлен через адовы ворота в подземное царство*);

- для тушечницы (*Священная тушечница четырехгранна, как четыре стороны света, как четыре стихии – гром, ветер, дождь, молния. Стоит лишь легонько потереть тушь на этой тушечнице, как этим я вызову блеск и треск грозы с молнией*);

- для туши (*Вода сия – не простая вода. Она – жертвенная вода для Северного Владыки. Даже одна капля ее в тушечнице вмиг вызовет тучи и дождь. Большой ее проглотит – все бесы исчезнут, бес проглотит – разлетится в прах*) [1, с. 5–7].

Степень сакральной значимости китайского текстового заклинания значительно возрастает в том случае, когда текст «иллюстрируется», то есть дополняется соответствующим рисунком. В частности, ученый описывает изображения «чудодейственного сокола», сопровождающиеся пояснением, призванным оказать магическое воздействие на злых духов: «Его твердый металлический клюв ровно острие ножа. Стальными когтями он хватает оборотней. Если наклеить на стену это его изображение, то вся нечисть будет выметена, как

метлой» [1, с. 24]. Особой выразительностью отличается рисунок сокола, «клювом ущемившего девятихвостую лисицу, извивающуюся в дымке и языке пламени». Расположенный под рисунком текст-заклинание гласит: «Железноклювыйчудотворный сокол слетает к нам на землю и хватает девятихвостых лисиц. Сдерет с нее шкуру, вытербит жилы, съест сердце и печень. А если он попадет на ваш двор, то этим на весь год вам будет обеспечен полный покой» [1, с. 24–25].

Рис. 1 (по: [1, клише 36])

Девятихвостая лисица – хорошо известный в китайской традиционной культуре образ лисы-оборотня (狐狸精 хули-цзин), которая наделялась противоречивыми качествами. С одной стороны, в древнем Китае такая лиса «выполняла роль божества, связанного с бракосочетанием, и поэтому словосочетание 九尾 [jiǔ wěi] (девять хвостов) следует понимать как 交尾 [jiāo wěi] (переплетать хвосты), то есть ‘вступать в половые отношения, спариваться’». С другой стороны, не без влияния этих представлений в китайской мифологии сформировались довольно распространенные и устойчивые верования, согласно которым пятидесятилетняя лиса, превратившись в красивую молодую девушку, «является к мужчине, очаровывает его своей неземной красотой, талантами, доступностью и вступает с ним в интимную связь. Именно супружеские отношения с живым человеком составляют конечную цель лисы, поскольку в процессе сексуальных отношений она получает от мужчины его жизненную энергию, необходимую ей для совершенствования своих волшебных возможностей. Последствия таких отношений для человека вполне определены: светлое начало в его организме насильственным образом убывает, жизненная энергия ослабляется, человек худеет, начинает хворать и в конечном счете умирает от истощения. Лиса же, увеличив свою силу, достигает долголетия и выходит в последнюю, «высшую» категорию – становится Небесной лисой, лисой-бессмертной – сянью» [2, с. 667].

Я.Я.М. де Гроот отмечал, что в древнекитайской мифологии лисицы-оборотни обладают ещё бóльшим набором демонических качеств, весьма опасных для человека: «Лисицам приписывается насылание сумасшествия, болезней и даже смерти». <...> «Лисицу ненавидели не только как виновницу болезней и умопомрачения, но и как предвестницу зла как такового». <...> «Лисица отличается злобным и хитрым нравом, скрывающимся за мягкой и невинной наружностью» [3, с. 55–59].

Изложенное позволяет понять, что в традиционной культуре Китая «прототипом» лисы-оборотня, смертельно опасной для человека, является девятихвостая лисица, которую (как потенциально опасного персонажа) уничтожает «железноклювый чудотворный сокол».

Сходный образ мифической птицы с железным клювом, активно противостоящей нечистой силе, представлен в восточнославянских заговорах. Так, в русском заговоре птица Гагана уничтожает черных муриев, вселившихся в человека: *За морем за синим, за морем за Хвальнским, посреди Океана-моря лежит остров Буян, на том острове Буяне сидит птица Гагана, с железным носом, с медными когтями. Ты, птица Гагана, сядь у дома, где стоят кади железные, а в кадах лежат черные мурии, в шелковых тенетах; сиди дружно и крепко, никого не подпускай, всех отгоняй, всех кусай. Заговариваю я сим заговором раба Божьего (имя) от черных муриев по сей день, по сей час, по его век, а будь мой заговор долог и крепок* [4, с. 321–322] (мурин‘бес’ [5, с. 309]). Сравн. также: рус. *Есть море золотó, на золотé море золотó древо, на золотé древе золотые птицы – носы железные и когти железные, они дерут, волочат от раба Божия (имя) колотье на мхи, на болота* [6, с. 41]; бел. *Гадзіна-гадзішча, шытучая, паўзучая; гадзіна-гадзішча, вынімай сваё зубішча. На моры ёсць птах з жалезнай дзюбай. Ён вас выдзеўбе, выклоне і з накалення вас звядзе* [6, с. 129]; *На моры, на малакаморы стаіць купарэз-дрэва. На купарэзе сядзіць жар-пціца з жалезнай дзюбай, з жалезным крыллем, з жалезнымі кокціямі. Кокціямі разграбае, крыллямі размятае, паганую воб’едзь ад рабой каровы жалезнай дзюбайк выбірае* [7, с. 95]. Аналогичную функцию выполняет в заговорном тексте щука с железными зубами: *Есть святое море окиян, в том святом море окияне есть камень во глубине морской, под тем камнем стоит щука железная*

и зубы у ней железные. Изъедает она на море пену морскую; и так бы изъедала щука вещиц и ведунов, и чародеев черных и черемных[8, с. 135].

В одном из эпизодов романа Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» рассказывается о том, как легендарный полководец Чжугэ Лян одержал победу над своим противником – великим князем Мулу, продемонстрировав в решающий момент боя огромных вырезанных из дерева чудовищ, «и были у этих чудовищ железные когти и зубы». <...>Великий князь Мулу, потрясая колоколом, начал творить заклинания. Подул ветер, и вместе с ним на воинов Чжугэ Ляна набросились дикие звери. Но Чжугэ Лян взмахнул веером, ветер повернул на вражеское войско, и вперед двинулись невиданные чудовища. Из их пастей вырывалось пламя, из ноздрей вырывался дым. Звенели повешенные на шеях у животных колокольчики. И звери великого князя Мулу, завидя дым и пламя, бросились назад, на пути давя своих воинов.

В традиционной культуре и китайцев, и восточных славян прилагательное *железный* употребляется как атрибут сакральных предметов или мифических персонажей. Так, одним из самых популярных героев из числа Восьми Бессмертных святых (八仙 ба сянь) является *Ли Тегуй* (Ли Железная Ключка), который «изображается высоким человеком с темным лицом, большими глазами, курчавой бородой и курчавыми волосами, схваченными железным обручем, он хром и ходит с железной клюкой» [9, с. 498].

В русских заговорах встречается персонаж *железный муж*, который воплощает магические силы, нейтрализующие воздействие нечистой силы и болезни: *На том дереве сидит железен муж, осматривает железен муж всякого ведуна, колдуна, кудесника, отводит недобрые словеса и речи* [4, с. 374]. Образ железного человека – мифического существа, «богатыря из железа, который охраняет свои владения», – известен многим славянским народам и связан с очень древними (праславянскими) представлениями [10, с. 193].

С другой стороны, *железная баба*, обитающая в полях, огородах, водоемах, характеризуется в мифологии белорусов как «злая низкорослая старуха с большой железной грудью», которая «хватает детей, приходящих в ее владения, бросает их в свою железную ступу, толчет и ест» [11, с. 171]. Сравн. также: пол. *баба с железными зубами* ‘женское мифологическое существо, живущее в поле’; чеш. *železnababa* ‘полевой демон, оберегающий горох от детей’ [12, с. 200].

Со стихией железа связан персонаж китайской мифологии Чи-ю, который изображался «в виде полузверя-получеловека с головой барса и когтями тигра, над головой щит, в одной руке топор, в другой меч, левой ногой стоит на самостреле, в когтях правой ноги – секира» [13, с. 730]. Юань Кэ, автор книги «Мифы древнего Китая», при этом отмечает: «Удивителен не только внешний вид Чи-ю, еще удивительнее то, чем он питался. Его обычной пищей были песок, камни и куски железа» [14, с. 95].

Мотив съедения сказочным героем железа (железных бобов и железного хлеба) известен в белорусском фольклоре: *Змей гаворыць: “Ну, давай нам, жсана, напіткаў і наедкаў”. Прыносіць яна рэштато жалезнага бобу і жалезнага хлеба. “Ізволь кушаць, швагер!” – “Благадару, швагер, – гаворыць Пакацігарошак. – Я без усякай прозьбы буду кушаць, так як у свайго, бо з находу я есці хачу”. І стаў ён есці ўмесці з ім; тот з’есць хлеба кусок, а гэтак з’есць два* [15, с. 210].

Железо в народных верованиях представляется магическим рубежом, отделяющим зло от добра или добро от зла. По древнекитайским представлениям, железной сетью обнесено девятое судилище, которое находится в царстве мертвых (地獄 ди юй), где «казнят грешников, совершавших поджоги, изготавливавших яды, дурные книги и неприличные картины, изгонявших плод с помощью снадобий. Им отсекают головы, разрезают на мелкие части или удавливают веревкой» [16, с. 448].

В восточнославянской традиции эпитет *железный* регулярно встречается в текстах заговоров, реализуя в составе словосочетания *железный тын* значения ‘сакральный’, ‘магически значимый’, ‘оберегающий’: рус. *О батюшка, истинный Христос, Михаил Архангел, обставьте круг меня железный тын...* [4, с. 343]; бел. *Госпаду Богу памалюся, жалезным*

тынам абгаражуся... [7, с. 49]; *Святы Юры-Ягоры, агарадзі гэтую скаціну жалезнымі тынамі* [7, с. 71].

Дополнительную «магическую коннотацию» слово *железный* может приобретать и при сочетании с названиями обуви или головного убора. В таком случае (при описании передвижения персонажа) формируется представление о длительном времени, необходимом для изнашивания: кит. *Бывает, истопчишь железный башмак – / Ищешь – не можешь найти, / И видишь вдруг — вот оно то, что искал: / Где-то совсем под рукой* [17, с. 461]; *Железные подошвы истоптал, / Но не нашел того, о чем мечтал. / Другой, не выйдя даже за порог, / Приобрести желаемое смог* (Лю Гуаньчжун, Фэн Мэнлун. «Развеянные чары»); рус. *Идет лесом дремучим, идет через тни-колоды, уж железные башмаки истаттываются, железный колпак изнашивается, костыль ломается, просвира изглодана, а красная девица все идет да идет, а лес все чернее, все чаще* [18, с. 196].

Таким образом, мифологический персонаж «птица с железным клювом» в обеих культурных традициях – китайской и восточнославянской – выявляет устойчивые связи с широким кругом традиционных представлений, имеющих отношение к обереговой магии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев, В.М. О некоторых главных типах китайских заклинательных изображений по народными картинами и амулетами / В.М. Алексеев // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. Том двадцатый. 1910. – С.-Пб. : Типография Императорской академии наук, 1912. – С. 1–76.
2. Алимов, И.А. Хули-цзин / И.А. Алимов // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока [Т. 2] : Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. – М. : Вост. лит., 2007. – С. 667–668.
3. Гроот, Я.Я.М. де. Демонология древнего Китая / Я.Я.М. де Гроот. – Лейде, 1907. – 207 с.
4. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. – М.: Автор, 1992. – 607 с.
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9 / гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1982. – 358 с.
6. Майков, Л. Н. Великорусские заклинания / Л. Н. Майков. – СПб.: Типография Майкова, 1869. – 164 с.
7. Замовы / Уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г.А. Барташэвіч; Рэдкал.: А. С. Фядосік (гал. рэд.) і інш. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 597 с.
8. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. – М.: «Индрик», 2010. – 832 с.
9. Рифтин, Б.Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока [Т. 2 :] Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. – М. : Вост. лит., 2007. – С.498.
10. Цыхун, Г. А. Жалезны чалавек / Г. А. Цыхун // Этнаграфія Беларусі: Энцыкл. / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелСЭ, 1989. – С. 193.
11. Васілевіч, У. Жалезная баба / У. Васілевіч // Міфалогія беларусаў : Энцыкл. слоўн. / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск: Беларусь, 2011. – С. 171
12. Левкиевская, Е.Е. Железо / Е.Е. Левкиевская // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н. И. Толстого. – Т. 2. – М.: Междунар. отн., 1999. – С.188–201.
13. Рифтин, Б.Л. Чи-ю / Б.Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока [Т. 2] Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. – М. : Вост. лит., 2007. – С. 730

14. Юань, Кэ. Мифы древнего Китая. Пер. с кит., послесловие Б.Л. Рифтина. Худож. Л. П. Сычев / Юань Кэ. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. – 527 с.

15. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В трех томах. Том I. Издание подготовили Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков. – М.: Изд-во «Наука», 1984. – 512 с.

16. Рифтин, Б.Л. Ди-юй / Б.Л. Рифтин // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока [Т. 2] Мифология. Религия / ред. М.Л. Титаренко и др. – М. : Вост. лит., 2007. – С. 446–448.

17. Как по ярлыку в сапоге разоблачили бога Эрлана // Жемчужная рубашка: Старинные китайские повести / Составл., предисл. И.Э. Циперович. Пер. с кит. И коммент. В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. – С. 442–469.

18. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В трех томах. Том II. Издание подготовили Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков. – М.: Изд-во «Наука», 1985. – 464 с.